

Маргарита Пальшина

ЖИВАЯ ВОДА

ЖИВАЯ ВОДА

Маргарита Пальшина

Живая вода. Книга эссе

<https://litres.ru/22059299>

ISBN 9785448340857

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «Живая вода» – книга, написанная на пределе откровенности, сборник эссе разных лет о любви и одиночестве, о близких и дальних, о доме и дороге. И всё же это художественная публицистика, хотя... что может быть правдивее вымысла? Эссе из книги публиковались в литературных журналах «Пролог», «Белый ворон», «Гостиная», «Зарубежные задворки» и др. Эссе «Раствориться в свете» удостоено золотой награды на фестивале Русский STIL, эссе «Жрецы Бога» – лауреат конкурса «Хрустальный Дюк» им. Де Ришелье.

Содержание

Вместо предисловия	5
В дороге	7
Пляж	7
Венецианские отражения	14
О чём молчит Везувий	38
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Живая вода

Книга эссе

Маргарита Пальшина

Дизайнер обложки Маргарита Пальшина

© Маргарита Пальшина, 2020

© Маргарита Пальшина, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4483-4085-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Название сборника родилось из сочетания слов: «живая», то есть правда жизни, и «вода» – а как ещё можно окрестить эссе?

Эссе не предполагает ни сюжета, ни главных героев. Эссе – дневниковые записи разных лет. Голос времени, который всегда звучит в настоящем...

Моя живая вода разлита по сосудам:
≈ В дороге

≈ В моём городе

≈ В доме

≈ Во мне

В дороге

Пляж

*«Я люблю тебя за то,
что твоё ожидание ждёт того,
что не может произойти»
(Илья Кормильцев «Утро Полины»)*

Пляж. Бесконечно длинный белый пляж. Солнце слепит глаза. Мы лежим, вытянувшись на песке, как два больших сильных зверя после охоты. У тебя мускулистые руки, и солнце играет бликами на плечах. Хочется дотронуться до этих блестящих плеч. Но мне лень – отворачиваюсь и смотрю на море. Оно прозрачно-голубое, почти бирюзовое. Как-то ты сказал, что перед смертью глаза у человека становятся синими. Наверное, все мы после смерти уходим в море. Море – это наша одна на всех вселенская душа. Мысли о бесконечности и бессмертии. Но думать тоже лень.

Закуриваю сигарету, песок мелкими иглами впивается в локти, но это приятно, такая лёгкая иглотерапия. Море синее ближе к горизонту, а потом медленно съедает небо. И небо тоже становится морем. Жарко. Мелкие капельки пота у тебя на виске, а когда смеёшься, морщинки-лучики появ-

ляются вокруг глаз, и это потрясающе красиво. Воздух плавится, он не плёнка, а что-то невесомое, но как трудно дышать! Нужно пойти и окунуться в ледяную прозрачную воду. Но я продолжаю плавиться, втягивая ноздрями раскалённый воздух. Жарко. Пляж.

Завариваю кофе.

– Ты почему так рано сегодня? – ехидно спрашивает коллега.

– Отстань, пробки, опять пришлось ехать на метро, и потому у меня плохое настроение.

– Подумаешь метро, все ездят. Я вообще с восьми на работе. И ничего, не злюсь.

– А я злюсь. Зачем приходиться к восьми, если рабочий день начинается в десять?

– Зачем-зачем? Работать!

– Нужно не работать, а делать вид, что работаешь...

В почте один спам: «мальчики по вызову» (но мне даже не тридцать), видеокамеры (что можно снимать в офисе без окон?), «заказчик-застройщик» (пришлите лучше рецепт яда для соседей, которые постоянно сверлят), «самый смешной анекдот дня» (нужно быть героем, чтобы смеяться с утра), антиспам (антиспам на спам сам по себе и есть спам). А, вот ещё письмо от менеджера: сделай то, сам не знаю что. Можно представить, что и оно – спам. Он нажимает save, она нажимает delete. А потом к ней придет страшный deadline. Но это уже не важно, всегда можно закрыть глаза.

Надеваю наушники, и по офису проносится морской ветер. Они такие смешные, когда говорят что-то друг другу и машут руками. Маленькие Чаплины Большого Офиса. Это не моя реальность. Не люблю немое кино. Рот разевают, как рыбы, выброшенные на раскалённый песок. Я вас не слышу. Только море в наушниках.

Наушники мне положены по статусу как творческой личности. Картинки рисую: йогурт вид слева, йогурт вид справа. В сущности, одинаковое дерьмо: «ты же не сможешь выпить целый багажник йогурта». Но пиво не наш клиент. А жаль.

Если вглядываться в скульптуры Родена с разных ракурсов, то в одном поцелуе – несколько настроений, смотря с какой стороны подойти. И мыслитель тоже грустит по-разному. А йогурт, он и справа, и слева – одинаковый. Скучно!

Продолжают орать. Я слушаю море в наушниках и тихонько смеюсь над ними. Когда-то давно писала отличные тексты, но современный человек мыслит комиксами, пришлось осваивать фотошоп. И как у сюрреалиста Магритта, помните? Трубка и подпись: «*Ceci n'est pas une pipe*». Йогурт и подпись: «*Это не йогурт, это ваше здоровье*». «*Это не тушь для ресниц, это ваша красота*». «*Это не автомобиль, это ваша мечта*».

«Поехали работать зрителями маяка», – пишешь ты в скайп.

«Зачем?».

«Но ты же вчера весь вечер ныла, что хочешь в глушь».

«Да? Наверно, трава была грустная».

«Нет, её было слишком много», – смайлик. У твоего смайлика симпатичные ямочки на щёчках. Давай, попрыгай ещё и посмейся! Ха-Ха! Хоть какое-то развлечение.

«А там море есть?» – стучу в ответ.

«Ну, мать, ты даёшь! Если есть маяк, есть и море! Иначе, зачем он там нужен?» – всплывает в окошке.

«Тогда поехали. Буду целыми днями смотреть на море и ничего не делать».

Море шумит. Хочется заплывать далеко-далеко и лечь на спину, и пусть вода меня качает. Колыбель. Как в детстве. А пляж исчезнет за голубым горизонтом.

Море меняет цвет по секундам. Ни в одной палитре нет столько оттенков синего. Вспомнилось, как в Третьяковке частенько смотрела на картину Айвазовского «Море» и думала, что перебрал он цвета, не бывает такой синей воды. Оказывается, бывает. Зимой.

Интересно, а какое время года сейчас? Какое придумаю, такое и будет. Пусть будет зима. Но чтобы по-прежнему жарко. И капельки пота у тебя на виске, и морщинки-лучики. И пляж.

Смс-ка. Подруга ищет работу, нет ли у меня чего подходящего? Нет, только йогурты. Сначала все изучают историю искусств, а потом начинают рисовать йогурты в фотошоп. Йо-

гурт – как финал, как предел творческих стремлений предыдущих столетий.

«Как дела?»

«Всё по-старому, ищу работу».

«А я хочу бросить всё к черту».

«Ну ладно, пока. Звони».

Была зима, тридцатиградусный мороз. Вобрав в себя как можно больше тепла и уюта маленького кафе на Арбате, мы на одном дыхании неслись до метро, почти падая от холода, как замёрзшие на лету птицы. А там, внизу: темно, поезда носятся, горячая сутолока перрона.

И подруга, тоскливо наблюдая проезжающий мимо поезд, сказала:

– Хочу, чтобы за мной закрылись двери, и голос объявил бы: «Следующая остановка – Крым». Там мой дом. Там море шумит, и даже сейчас, зимой, деревья зелёные. Вечное лето.

– А чего уехала?

– Как и все... Хочется добиться ВСЕГО в жизни, невозможно же всё время смотреть на море и ждать чего-то. Я и приехала в Москву. Первый год было тяжело, но и цель тоже была: доказать всем, что выдержишь и останешься. Потом появились друзья, работа. Затянуло. А лет через пять приезжаешь домой и понимаешь, что тебя там уже не ждут. Вычеркнули из жизни. Твоё место теперь здесь, на этой вечной платформе, где все куда-то бегут, а возвращаться больше некуда.

Да, некуда. Они вывели новую породу людей, живущих в коробке. Их глаза не выносят солнечного света, потому что коробка – без окон. Хочется сбежать в Сокольники, стать прогульщицей, как в детстве. Шагать по шуршащему лиственной парку, ловить солнечное дыхание золотой осени. Ведь это так быстро закончится! Несколько дней – и всё, мир рухнет в промозглую зиму. Жизнь вообще – Римские каникулы. Почему тогда нам не встретиться? Если мне ничего не принадлежит в этом мире и абсолютно всё можно потерять безвозвратно?

Всё скоро изменится, мой мир летит в какую-то пропасть, а я даже не могу дать ей имя, понять, кто она, эта пропасть. И не знаю, что выбрать. Хотя и выбирать не из чего. Ещё один день, приближающий меня к смерти. Интересно, чем он закончится, этот осенний день? Он-то есть у меня пока, он не прожит...

...Только уже не осень и не зима, а её предпоследний день. За окнами, наверное, идёт снег. Или уже светит солнце? Какая разница, если окон нет. Понедельник в коробке. Ещё одни унылые, зря потраченные выходные позади. Устроить бы погребальный костер по всем дням, проведённым впустую на даче, у телевизора, в офисе. У человека порой нет выбора: он зависит от желаний своих близких. И жертвует, жертвует, жертвует ради них до бесконечности. А что, если не можешь больше быть жертвой и хочется купить билет на ближайший поезд и раствориться навсегда?

– Да, ты прав. Поехали работать смотрителями маяка!
Только сейчас. Шагнём за дверь – в пустоту. Это легко! По-
чему все боятся?

– Я не боюсь, – ответишь ты.

А за окнами будет шуметь море.

И пляж...

Санторини – Москва

март 2007

Венецианские отражения (любви и смерти)

Пишу эти строчки и не верю себе, ни единому слову. Венеция кажется сном, мучительным и прекрасным, из тех, что возвращаются снова и снова. Почти три года я караулила птицу удачи. Венецию можно увидеть не из-за спин туристов только в два коротких промежутка в году: в ноябре (сезон наводнений) и зимой (между празднованиями Нового года и Карнавала). В остальное время в ней тесно, как в автобусе.

Первым, кто встретил меня в аэропорту, был ветер. Свежий, солёный, пропитанный йодистыми испарениями зелёных водорослей. Не верьте тому, кто называет Венецию «старухой, у которой дурно пахнет изо рта». Воздух кристально чистый, способный утолить жажду кислорода всех «подземных крыс» мегаполиса. В Москве в метро задыхаешься, здесь же воздух пьёшь, как воду, а вода неисчерпаема. Я шла к автобусной остановке и думала о том, что рано или поздно настоящее и заветное внутри меня – мечта – победит всё и всех. И я буду жить у моря.

«Предаваться чувственным наслаждениям составляло всегда главное занятие моей жизни: важнее этого для меня ничего не было», – из мемуаров Джованни Джакомо Казановы. Пожалуй, ничто из прочитанного мне не было ближе. Воровское счастье. Понимаю, что должна делить себя с дру-

гими, хотя бы родными людьми, но не верю в самопожертвование, храню огонь внутри. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить её на страдания, муки совести и обязательства. Она – череда мгновений: рассвет над взлётной полосой, запах моря, плеск волны за бортом вапоретто¹, мост Риальто, по-кошачьи выгнувший спину над Гранд Каналом, гулкие шаги за поворотами узких улочек... Проживать её или дарить другим каждый вправе выбирать сам. Вы скажете, можно наслаждаться вместе, но вряд ли найдёте двух людей на Земле с абсолютно одинаковыми желаниями. Вместе – вечный синоним компромисса.

Первое, что случилось со мной в Венеции, – я заблудилась. Кампо Санта-Мария Формоза – душа Восточной Венеции, здесь пересекаются пути от Сан-Поло и моста Риальто до Сан-Марко. Но вернуться в отель невозможно. Пятьсот метров от площади, описанные в путеводителе, я шла четыре часа. Жёлтые указатели путали кривизной стрелок, маленькие улочки не нанесены на карту, направо-направо-налево-прямо... и в очередной тупик, который даже тупиком не является, потому что выводит к воде. Лабиринт Минотавра. Вокруг тишина и ночь. Ни души, магазины и рестораны давно закрылись. Фонари в конце улиц – граница миров све-

¹ Катер, водный трамвай.

та и тьмы. Туман дымится в свете фонарей, чёрная вода в каналах на его фоне казалась бы кипящей смолой, если бы не ледяной, пронизывающий до дрожи ветер, не холод, излучаемый вековыми стенами. Адовы картинки. Галерея мистических образов, созданных мастерами от Данте до Хичкока. Но страха нет, в окружающем безмолвии только призраки смогут подкрасться незаметно, грохот человеческих шагов слышен за квартал.

Когда вместо Формозы встретилась с Сан-Джованни Нуво во второй раз, набралась смелости зайти в пустую, ждущую ненасытных гуляк пиццерию на углу. Официант, тоже Джованни, на английском объяснил мне дорогу: *cross the campo, right the corner, straight ahead, after that to the right, than left, right-left-straight ahead...* Через полтора часа я опять вернулась к пиццерии.

– Джованни, идиото! Вон, твоя синьорина Санта-Мария Формоза снова здесь ищет, куда ты её в прошлый раз послал? – выскочила за мной на улицу кухарка.

Венецианцы – очень эмоциональны, иногда их можно понять, даже если твой словарный запас на итальянском ограничен словами «*boun giorno*» и «*grazie*».

Джованни заявил, что он – не идиото и отправил меня по верному пути, это синьорина памятью не блещет, а карта у неё, наверно, американская.

– Русская.

– Ещё хуже. Кто из ваших писал о дураках и дорогах?

– Гоголь.

Из уважения к Гоголю (за рубежом русская классика – культ, некоторые иностранцы знают о Гоголе, Чехове, Достоевском, Толстом больше, чем русские), Джованни устало натянул пальто и пошёл проводить меня мимо церкви, чтобы толкнуть именно в ту улицу, к Формозе.

Было стыдно, попробовала отшутиться: мол, на самом деле я – призрак девушки, пропавшей без вести около этих мест много-много лет назад, и теперь вынуждена тревожить живых, постоянно спрашивая дорогу. А сейчас, наверно, уже двадцать второй век на дворе.

– Нет, – серьёзно ответил Джованни, – сегодня 13 февраля 2011 года. Но с Санта-Мария Формоза действительно связано много легенд и загадок.

Легенду основания церкви я читала в путеводителе: священнику приснилась Мадонна, прекрасная телом (Madonna Formosa дословно значит «Мадонна с формами», «фигуристая»), и повелела построить церковь там, где остановится круглое белое облако. Этот священник построил восемь церквей в Венеции, но только одну называли Формозой.

– На кампо Санта-Мария Формоза жила Вероника Франко, известнейшая куртизанка Венеции, Казанова в женском обличье. Её портреты писали Тинторетто и Веронезе. Среди её поклонников были Доменико Веньер и король Генрих III. Вероника могла заманить любого.

Вернувшись домой, я прочла, что Веронику Франко под-

нимала над другими женщинами поэзия. Она писала сонеты, изучала литературу и философию, выпустила при жизни две книги: «Terze rime» (1575) и «Lettere familiari a diversi» (1580).

Моя Венеция похожа на Веронику: заманив однажды в лабиринт своих улиц, не отпустила ни на миг. Настоящую Венецию можно разглядеть лишь ночью, наверно, она хотела мне себя показать. И моя первая вынужденная ночная прогулка переросла в страсть к приключениям, еженощную потребность бродячей кошки. Неудивительно, что и покровитель города – лев святого Марка – тоже из семейства кошачьих.

День влюблённых в городе влюблённых. Странно, но их я в Венеции как раз и не заметила. Люди не держатся за руки, не треплют друг друга за волосы, не натягивают любимому существу капюшон до носа, чтобы не дрожало на ветру, не балуются, не целуются. Чинно осматривают достопримечательности, будто женаты миллион лет. В вечном городе не нашлось примера вечной любви? Может, поэтому мне так хорошо одной? Влюблённость – это золотая осень, предчувствие угасания.

А может, мы все давно призраки? Красота дворцов, многократно отражённая, преломлённая и приумноженная во-

дой каналов, подавляет и растворяет в себе. Меня стёрли с картины пейзажа, я – вне времени и пространства, парю над водой вместе с городом. А на лицах вокруг вовсе не скука и разочарование друг в друге, а застывшая маска восхищения «бегущей по волнам». Венеция околдовывает, захватывает внимание целиком, здесь притупляются, а порой и утрачиваются все чувства, кроме одного – зрения.

Раньше я думала, что как художник могу всё нарисовать словами. Но Венеции проиграла. В горле стоял комок. Хотелось плакать: слова бледны, беспомощны и обрекают на немоту. Чайки и кофе на набережных Дорсодуро, панорамы с соборами Иль Реденторе и Санта-Мария делла Салюте, ощущение безграничного счастья. Не выразить, не передать.

Вспомнились «Венецианские строфы» Иосифа Бродского:

*«Я пишу эти строки, сидя на белом стуле
под открытым небом, зимой, в одном
пиджаке, поддав, раздвигая скулы
фразами на родном. Стынет кофе. Плещет лагуна,
сотней
мелких бликов тусклый зрачок казня
за стремленье запомнить пейзаж, способный
обойтись без меня»*

Бродский приезжал в Венецию зимой, как и я, и в те времена лир ему тоже было тридцать два года. Пообещала себе

по возвращении домой перечитать всё, что он писал о Венеции. Он же гений, должен был как-то справиться с её красотой, найти способ облечь в слова.

Последние строки «Набережной Неисцелимых» опровергли надежду:

«...мы уходим, а красота остаётся...

...мы направляемся к будущему, а красота есть вечное настоящее. Слеза есть попытка задержаться, остаться, слиться с городом. Но это против правил. Слеза есть движение вспять, дань будущего прошлому. Или же она есть результат вычитания большего из меньшего: красоты из человека. То же верно и для любви, ибо и любовь больше того, кто любит».

Поэзия – это не только умение слова превращать в музыку, в гимны, но и дар видеть мир, ощущать его острее других, построить мост между вторым и первым, который не рухнет. Судя по минорным ноткам финала, даже Бродскому не удалось нанести Венецию на страницы книги – такой, какой смог воспринять.

Я знаю теперь, всё настоящее (красота, любовь, счастье...) невыразимо, потому что непостижимо нами. Писательство – это утопия. Невозможно передать чувства в момент их порыва, пока поглощён ими. Пишешь по памяти, но воспоминания избирательны. Чтобы запечатлеть жизнь как она есть, нужно стать её беспристрастным регистратором. Но и в этом случае описания будут содержать погрешности: наблюдение

за событиями со стороны далеко от их проживания. Писатель как коллекционер, не успев впустить чувства в сердце, тут же прикалывает их, ещё трепещущих, булавкой к белому листу, как бабочку, тем самым убивая.

У всякого проходного моста в Венеции приплясывают гондольеры, зазывая на романтические прогулки по Гранд Каналу и старой части района Сан-Марко, где жили Марко Поло и Казанова. Дорогое удовольствие, в гондолах преимущественно арабские шейхи с многочисленными жёнами и пенсионеры-немцы как живая реклама системы социального страхования. А меня в музеях допрашивают, не ошиблась ли, купив билет «adult» вместо «student». В каком-то смысле мы все – студенты, постоянно учимся жить то так, то иначе, иногда против воли.

Достаю мятую сотню из кармана, подхожу к тому, кто поближе:

– Когда сможем поехать?

Сотня евро тут же превращает меня в синьору, которую под ручку и с серенадой можно усадить в гондолу.

По мне, так умнее выкидывать деньги на ветер, чем покупать вещи, что вот-вот выйдут из моды. Ветер и море и есть подлинные ценности.

Медленное движение по молчащим каналам. Кажется, что

течѣшь и меняешься, как вода, будто стала морем – огромным зеркалом, вобравшим в себя сюрреализм снов Венеции. Людей на мостах, изящное кружево дворцовых арок, сердцами распахнутые ставни домов, мозаику ракушек на стенах, солнечные площади и замшелые переулки. Взгляд моря, или как писал Иосиф Бродский: *«то, что видит вода»*². Сколько лиц отразила она за тысячу лет и запомнила навсегда? Говорят, вода способна хранить информацию, как фотокамера снимки.

Гёте сравнивал гондолы с *«плавно качающейся колыбелью»* и с *«похоронными носилками»* в одной фразе³. Символ жизни, где начало и конец схожи своей беспомощной бессознательностью и умиротворением. Хочется произнести последнее слово через «е», как «смерть». По легенде, гондольеров хоронят в тупиках каналов в гондолах. Люди воды.

– Несколько дней назад вода поднималась во-о-он до той отметины на стене, а гондолы не могли пройти под мостами.

Тёмно-зелёная черта на полметра выше окон первого этажа.

– Аквариум?

– Если бы! Заливает.

² Здесь и далее цитируется «Набережная Неисцелимых».

³ «Венецианские эпиграммы».

Весь следующий день заливало Лидо. Дождь хлестал безостановочно. Я бродила по побережью вдоль роскошных вилл и пляжей, пытаюсь разглядеть сквозь серую мглу, каково здесь в бархатный сезон. Кипарисовые аллеи и розовые сады. Густой и горячий воздух. Ароматный, как крепкий цветочный чай. Лепестки магнолий корабликами по воде каналов. По белому песочку пляжей босиком разгуливают кинозвёзды...

Что чувствовал Андрей Звягинцев после двух венецианских львов за «Возвращение»? Как всё-таки живётся человеку после золотого дебюта, после мечты? Не могу себе даже представить: ничего не сбылось.

Кино-дворец на набережной ждёт сентября. Гадает по воде, вернутся ли те, кого помнит, или приедут новые. Дождь мешают ему, вызывая рябь. Капли звенят, ударяясь о воду, напоминают детский ксилофон, звук его тоненьких молоточков.

Концерт «Виртуозов Вивальди» в средневековом дворце Атенео ди Сан Бассо на площади Сан-Марко. Голос скрипки – как горный хрусталь. Зависит ли акустика от времени? Может, время очищает звуки, как вода полирует камни? Тогда за тысячу лет ему удалось создать само совершенство.

Скрипачка на сцене – живое воплощение La Primavera⁴: длинные светлые волосы, тонкие гибкие пальцы. Как точно воспроизводит скрипка птичьи трели, журчание весенних ручьёв, летние грозы... Наверно, любой человек искусства стремится отразить течение жизни, как зеркало. Бывают зеркала очень тонкой работы, они точны и потому бессмертны, а бывают кривые, их осколки смывает время.

Венецианские зеркала славились по всему миру задолго до «богемской монополии». В амальгаму добавляли золото, и отражение казалось лучше оригинала. Как и музыка Вивальди.

Когда итальянцы, просвётленные после великой музыки, покидают концертный зал, возможно, они и способны поверить, что будут «ходить по воде». Но не я. За два часа концерта площадь исчезла под тёмным слоем воды. В Венеции началось настоящее наводнение. Это был единственный раз, когда я добежала до отеля напрямик, не петляя, за десять минут. Страх дёрнул рубильник, который зажигает свет «во всех комнатах» одновременно – включает экстрасенсорные навыки. Страх очутиться запертой в лабиринте незнакомых улиц, когда прибывает вода: по щиколотку, по колено, по по-

⁴ «Весна» – первый из цикла скрипичных концертов «Le quattro stagioni» («Времена года»)

яс. Ледяная вода. А ты не знаешь, куда бежать...

Как долго мне теперь будет всё это сниться!

Но в ту ночь во сне в переулках я видела бабушку. Она протянула мне руку и сказала:

– Пойдём, я научу тебя плавать. Даже в ледяной воде.

И поцеловала.

Она умерла шесть лет назад. Наверно, не нужно рассказывать, что значат такие сны.

Утром разбудил колокольный звон. Первое желание – толкнуть ставни, распахнуть настежь окна. Потому что за ними – солнце, синее и без единого облачка небо, яркие черепичные крыши. За ними новое утро и живой, сладко пахнущий сдобой ветер. Я заварила кофе и подумала, что мне всё равно, умру я или нет. Я счастлива. Я слишком многое повидала для одной маленькой никчёмной жизни. Хватит, чтобы утешиться. Нет, от жизни я не отказываюсь, не перестану ей радоваться, но и смерти не боюсь больше. Наверно, с этой мысли и начинается зрелость.

Решила пойти в Музей Академии, взглянуть на шедевры Тинторетто, Тициана, Беллини, Веронезе. Нужен был выход из лабиринта, залитого водой.

Свет слепит глаза, голуби пьют воду из желобов крыш, из трещин в брусчатке улиц. Солнце танцует в зеркалах кана-

лов. Солнце в воде – иллюзия. Не обманет. Знаю уже, как зловеще прибывает вода. Заглатывает город, как удав. Наступает незаметно, как старость.

Много лет назад я влюбилась в картины Беллини. Лица его Мадонн нежны и прозрачны, словно умываются они мылом. Влюблённость стала «любовью на веки», когда увидела их не в альбоме. Беллини создал не полотна, а трёхмерный – живой – мир. Потрясающее чувство перспективы! Кажется, персонажи картин вот-вот зашевелиятся и сойдут в зал. И если прикоснёшься к картине, почувствуешь тепло их рук. В двойных «Ангел» и «Девственница» я ощутила себя свидетелем происходящего – внутри картин. И ветер, голубой и прохладный, подарил запах лилий.

Такой, наверное, и должна быть вечность. Живой.

Я никогда не испытывала столь сильной страсти к людям, не хранила им верность. По сравнению с картинами, музыкой, статуями, дворцами... люди несовершенны и потому обречены умирать. Только творения их бессмертны.

О собрании галереи Пегги Гуггенхайм Иосиф Бродский писал, как о «наносах дряни двадцатого века». И, тем не

мене, здесь тоже можно совершить маленькие открытия, всматриваясь в хаос картин Джексона Поллока, зияющую пустоту и одиночество Джорджо де Кирико, свет и тьму Рене Магритта. Кубизм, сразу скажу, не моё. Мне ближе фантазии и экспрессия. Одни искусствоведы утверждают, что экспрессионизм – это порубленный на мелкие кусочки и перемешанный кубизм, другие считают его вдохновителями Ван Гога и Гогена. Но, наверно, дело не в истории художественных объединений, а в том, что искусство есть проявленная суть человека. Одни художники познают мир разумом и выражают чёткими жёсткими линиями, другие чувствуют его сердцем и разбрызгивают краску на холсты, как кровь и слёзы. Сюрреалисты же открывают дверь в лабиринт снов и выходят по ту сторону.

Магритт писал о картине «Империя света»: *«Одновременное явление дня и ночи обладает силой удивлять и очаровывать, эту силу я называю поэзией»*. У меня сохранились и дневные, и ночные фотографии одних и тех же видов Венеции, нужно попробовать поставить их рядом или сделать коллаж. Но... фото так же бесцветны, как и слова. *Ceci n'est pas une Venezia*, а бледное её отражение в кривом зеркале. Жаль, нельзя встроить камеру в глаза. Жаль, сердце не способно щёлкнуть затвором.

За своим отражением поехала на Мурано. Венецианцы боялись, что стеклодувы сожгут город, и выселили их на остров.

Солнце светит наискосок, и я отражаюсь в окне вапоретто. Завитки морщинок вокруг глаз, словно мастер лёгкой кистью расписывал маску. Наверно, это самое ценное на сегодняшний день, что у меня есть. Следы радости и печали, слёз и улыбок. Мне всегда нравилось читать по ним в лицах людей. Самая точная карта. Линии жизни. Неизданные мемуары. Теперь о моей зависимости от слов прочтут и другие. Буквы-буквы-буквы, слова убивают зрение, мир размывается до импрессионистской дымки. Прищур, как прицел снайпера, без права на ошибку. Говорят, следы побед и поражений красят мужчин, но портят женщин. Ещё один штамп общественного мнения, которое нет необходимости разделять.

Сразу вспомнился другой солнечный и жаркий день, но в Москве. Я стояла в очереди в аптеку. Передо мной нервно поправляла лямочку платья девчонка лет восемнадцати. Белая кожа почти светилась. Чем-то она была похожа на одну из Мадонн Беллини. Лямка платья скрывала розовый шрам с дырочками от швов по краям. Маленькая интимная деталь, видел и целовал её лишь тот, кому отдала девственность, кого сильно любила. Тогда я впервые пожалела, что не родилась с талантом художницы.

Позади на скамье сидит мужчина с рельефным лицом дожа и гривой седых волос. Благородная кровь. Дорогой ко-

ньяк, чей вкус глубже и богаче со временем. Попробовать набросать в тетрадке портрет? Необязательно же показывать ему то, что не получилось.

Золотые зеркала стёрли мои «мемуары». Жаль, я много плакала и много смеялась.

Придётся писать словами.

В Венеции отели стилизованы под старинные дома со столовыми и библиотеками. Забавно, что единственная книга на русском языке на полке – «Алиса в зазеркалье» Льюиса Кэрролла.

А на Мурано весна. Разноцветное стекло превращает солнечный свет в каскады салюта. Над каналами домики хлопают вывешенным за окна бельём, как крыльями. Ангелы-хранители весны. Кое-где в садах зацветают розы. Бирюзового цвета лагуна. Можно улечься на ступеньках набережной и смотреть на море. Щуриться на солнце и мурлыкать, как кошка. Не верится, что где-то зима, минус двадцать. Забрать бы с собой весну, увезти в рюкзаке!

День тянется вдоль набережных, парков и улиц, как длинные тени деревьев. Солнце идёт на закат. Колокола звонят к вечерней молитве.

В Церкви Сан-Пьетро Мартире узнаю с первого взгляда нежное сплетение пальцев. Последний триптих Беллини

«Мадонна с младенцем на троне». Все другие картины, выставленные в Венеции, я уже видела. Долгое прощание под звуки органа. Воск свечей оплывает, как слёзы.

Всякий раз, выходя из церкви, чувствую какую-то неприкаянную тоску, словно уезжаю далеко-далеко из родного дома. А над лагуной зажигают свечи сначала закат, потом ночь. Красное всегда заканчивается чёрным.

Венеция построена на сваях (pali), говорят, их около двух миллионов. Они же – фарватеры в лагуне, наверняка, есть и другие предназначения. Многие из свай вбиты в дно вертикально и прикованы цепями друг к другу. Ночью на связанных сваях горят фонари, освещая путь катерам. Свет ярок, и я вижу одну у берега, не скованную цепью с другими. Пусть она будет мной.

Вода черна, спокойна, как зеркало. Подхожу поближе. В отражении: улица, церковь, свет убегающих фонарей и темнота. Венеция довела меня до совершенства: сделала призраком, свободным даже от самого себя. Я – априори изгой, аутсайдер. Как в обществе, так и в литературе. И никто не виноват в этом, кроме меня. В живом мире нужно уметь протянуть руку и попросить о помощи, уметь делиться собой. Но человек, постигший одиночество, никогда его не покинет.

Его имя – Марко, но чувствовал он себя Тесеем, и не

важно, что рождённым в Турине. Подошёл спросить дорогу. Ариадны из меня не получилось: карта после стольких дождей, складываний и раскладываний, рассыпалась в руках. Но и составленные в мозаику её обрывки не помогли: Марко искал кампо из тех, что не нанесены на карту. Кстати, именно он объяснил мне разницу между кампо и пьядца:

– В Венеции всего две площади: Сан-Марко и Рима. Кампо дословно переводится как «field», «поле». Они слишком малы, чтобы считаться площадью.

На кампо, которую он искал, был дом с дощечкой, где высечены стихи известного итальянца – четыре строчки об одиночестве. К сожалению, не смогу привести в рассказе ни четверостишия, ни имени поэта. Мы долго блуждали в переулках, таяли в дымке над каналами, но «площадь одиночества» так и не нашли. Пили красное вино в кафе у воды, спорили о литературе. Странно, что в последнее время я беседую о ней только с иностранцами, ближний круг в Москве далёк от неизмеримых «возвышенных идеалов». Странно рассуждать о русской литературе по-английски. В основном, о классике. Читать современников, за редким исключением, я не могу. Уж лучше иностранка. Но вряд ли это вина авторов. Редакторы умудряются так выровнять тексты, что взгляду не за что зацепиться. Подобно венецианским зеркалам они стирают морщинки и шрамы – писательскую индивидуальность. Свобода выражения сегодня в России, наверно, дана только переводчикам: могут прикрыться чужой славой.

Марко – писатель. Недавно закончил новеллу и разослал по издательствам. Наверно, в Венеции и в людей смотришь, как в зеркало. Наши имена отличаются одной буквой. Мы читаем одни и те же книги. «Степной волк» и «Сиддхартха» Германа Гёссе – его любимые романы, как и мои. Об одиночестве и поиске пути. А Гоголь так же не близок. То же отчаяние, когда в порыве написать мне, как добраться до Сан-Микеле, где похоронен Бродский, вырывает вместо одной странички из записной книжки целых четыре. Та же радость в глазах, когда спрашиваешь, о чём новелла. И та же невозможность рассказать её суть в двух словах.

– Э-э-э-э... Fiction.

Фикция, а ещё «ложь» или «видимость». Отражение кривого зеркала. Утопия.

– Тебе нельзя ходить такой растрёпанной, – вклинивается он в мой нескончаемый внутренний монолог.

– Почему?

– Уши красивые. Нужно убирать волосы наверх, носить высокие причёски.

Пожалуй, погорячилась. Марко будет очень хорошим писателем. Настоящим. Он подмечает детали, которые не видны. А что, если через несколько лет буду держать его роман в руках? Восхищаться, как сейчас восхищаюсь Алессандро Барикко⁵?

⁵ Известный итальянский писатель, самый яркий романист современности, автор книг «Замки гнева», «Легенда о пианисте», «Море-океан», «Шёлк», «Сити»

Вино выпивается, кафе закрываются, и мы бредём куда-то над каналами дальше. Три часа ночи. Яркий свет последней открытой забегаловки по пути. Внутри одни местные. Громко смеются, поют и танцуют.

Мы занимаем столик в углу, где потише, и я стараюсь расспросить Марко о наводнениях в Венеции и проекте «Моисей», который должен спасти город от приливов Адриатики.

– Да, проект запущен. Но, по прогнозам, через девяносто лет Венеция всё-таки уйдёт под воду. Город оседает, дно оседает. Венеция построена на сваях из лиственницы, почти не поддающейся гниению, но вода точит даже камень.

Я с грустью думаю о том, что Венецию нужно закрыть для туристов: блондинки на шоппинг пусть ездят в Милан, а исследователи и искатели приключений – в Рим. В Венецию стоит пускать только людей искусства: никто, кроме них, не способен понять, оценить и запечатлеть её. Мы же все – миллионы тонн плоти – втаптываем город глубже и глубже в воду.

Венеция и есть Атлантида. Как долго я её искала! Но не там. На Мальте, на Кипре, на Санторини, в Тунисе...

Что чувствуют венецианцы, зная, что рано или поздно лишатся всего, что любили? Каково им живётся в условиях надвигающегося апокалипсиса?

– Судя по тому, как громко они веселятся, – говорит Мар-

и других. Большинство романов экранизированы, а фильмы неоднократно получали награды на кинофестивалях.

ко, – научились проживать каждый день как последний.

Ещё по бокалу вина, и он провожает меня до остановки вапоретто.

– Мы встретимся завтра?

– Нет. Прости, но завтра мой последний день в Венеции, и я не хочу делить её ни с кем.

Машет рукой мне вслед. Ответить не успеваю: вапоретто ныряет под мост.

Ёжась от холодного ветра на палубе, я смотрела, как в чёрной воде канала ночные огни писали импрессионистские картины Венеции. Мечтала, что тоже буду писать: рассказ «Ловец отражений». О том, что память добавляет реальности золота. Возможно, в прошлом вы не были счастливы, как сейчас в воспоминаниях о нём, это зеркало памяти придало ему тёплые оттенки. Предположим, главный герой – художник, а героиня прекрасна телом, как Мария Формоза. Он из тех, кто ни о чём не жалеет. А она – бесшабашно юна. Он не любит живых, пишет статуи. Но чёткость и совершенство её линий заставляют писать портреты. Возвращаться к ней снова и снова. По какой-то причине они расстанутся. И встречаются через много-много лет в городе, что наполовину ушёл под воду. Мария уже не так хороша, как раньше, и проигрывает воспоминаниям художника. Удастся ли им раскрыть

секрет золотой амальгамы и избавиться от иллюзий? Получится ли победить время?

Я знаю, что скажет Мария художнику:

– Тебе пойдёт седина. Мне бы хотелось подождать год-другой рядом и увидеть тебя седым.

Но что он ответит? На резкость линий, которые время размывает, как камень точит вода?

В Музее Леонардо да Винчи кручу и поворачиваю рычаги вечных двигателей. Невероятное количество идей и энергии на их воплощение! От «человека амфибии» нам достался костюм аквалангиста с ластами. Лопастей летательного аппарата – точь-в-точь от современного вертолёта. Знаменитая «зеркальная комната» – уменьшенная копия Венеции. Внутри неё, наверно, сходят с ума: перестаёшь понимать, где сама, а где отражение. Чувствуешь себя Алисой в зазеркалье. Леонардо писал: *зеркало – учитель художников*. Самое большое из них – вода. И разбить его невозможно.

Кажется, я поняла смысл времени: оно, как вода, везде и вокруг нас. Если гении черпали озарения в будущем, то почему нам нельзя вернуться в прошлое? Что если необратимость времени – миф? И всё, что нам нужно, – это научиться плавать. Даже в ледяной воде.

Во Дворце Гримани выставляли картины Босха. Но не решилась зайти. Я была счастлива, и падать в мрачное безумие средневековья мне не хотелось. К тому же, именно здесь произошла ссора Казановы с графом, которая обернулась для Джованни пожизненным изгнанием из Венеции. Я же надеялась вернуться и, если повезёт, то не раз.

С набережной неподалёку от пристани Санта-Закария туристы делают прощальные кадры с видом на остров Сан-Джорджо Маджоре, бросают центы в воду и плачут. В Венеции, наверно, все плачут.

Гондолы напоминают связанных нервных коней: толкают друг друга и рвут поводья. Чайка садится на скованные цепью сваи. Я всегда контролировала своих любовников: что у них там, в карманах. Цепи, верёвки, наручники изымались на таможне. И только тебе удалось протащить на борт контрабанду. Флакон французских духов или дорогие кубинские сигары. Стоит открыть флакон или закурить, и запах пропитает стены насквозь. От него не избавиться. Как и от воспоминаний. Чем дальше от тебя человек, тем ближе в мыслях. Волна вдыхает свободу на глубине и выдыхает любовь на берег. Ты прав, мой милый: чтобы к тебе возвращались, нужно уметь отпускать.

Навстречу по набережной идёт парочка в плащах и масках. Первые вестники Карнавала. А мне пора уезжать. Смот-

рю им в след: они держатся за руки.

Иногда мне кажется, что волна, бьющая в берег, сродни услышанной молитве.

Венеция

февраль 2011

О чём молчит Везувий

В последний день зимы выйти из аэропорта Неаполя навстречу весеннему ветру...

Вдохнуть в себя далёкое пока ещё море...

Затянуться первой – по-весеннему горькой сигаретой.

У входа – солдат с автоматом наперевес и таким видом, что невольно прижимаешься к пепельнице: не дай бог окурок уронить на мостовую – пристрелит. С кем воет Неаполь?

– Очередной наплыв эмигрантов, – отвечает женщина на автобусной остановке.

Нам вместе ехать до Сорренто. Она там живёт. Два года как. Обездоленные дети Донецка разбрелись по всей земле.

– Такой город был! Всё уничтожили. А вы нам не помогли. В Европе коричневую чуму остановили, а нас бросили...

Раньше бежали на север, теперь на юг. Кто куда. Кто-то неплохо устроился, кто-то моет полы. У всех в голосе слёзы при упоминании родного города. Потерянного для них навсегда. Страшно, когда некуда возвращаться. То есть куда – теперь точка обратного отсчёта в прошлое, белое пятно на перекроенной карте Украины. Не к чему возвращаться.

– В первую очередь разбомбили больницы. От нашего дома остался один подвал. Там мы молились, чтобы сразу, чтобы не мучаться, медикаментов нет никаких, даже обезболи-

вающего, – рассказывал мужчина в мурманском поезде за год до того.

Мы вышли покурить в тамбур, и он вдруг присел на корточки, спрятав голову между коленями. Моя неисправная зажигалка. Свистящий звук. Как от пули.

– Привычка, – объяснил он.

Взял с меня обещание, что напишу о его семье. Тогда я ещё верила, что можно вот так, со слов, записать чью-то исповедь, и она станет всеобщей памятью. Папа встречал на перроне с грустной улыбкой: «Что, опять не спала всю ночь?». Последнее место, где может заснуть писатель, – это поезд на север, хотелось ответить мне.

Думала написать рассказ на разные голоса из нескольких живых историй, повторяющих и дополняющих друг друга. Заглавие, конечно, «Поезд на север», ибо север тогда казался мне последним пристанищем человека.

Я не выполнила обещания. Не смогу. Потому что поезда мчатся в разные концы света. А ещё летят самолёты. Тоже по кругу, вокруг земли.

Сорренто – город из моих снов. Высоко над морем. Апельсиновый рай над бездной, окружённый горами. Воздух пахнет началом начал. Так пахнет новый год, новая жизнь. Цитрусовый аромат особенно ярок после дождя, озон – как чи-

стое стекло бокала, где плещется свежавыжатый апельсиновый сок. Рекламная картинка, открытка.

Приехала, как всегда, в грозу. Как всегда, заблудилась. С чем-то это связано. Точно так же, как существует связь между тем, что апельсиновые и лимонные сады разрастаются у подножий вулканов. Так и мои блуждания в лабиринтах смысла... Моя классная руководительница преподавала геометрию и люто меня ненавидела. С тех пор с пространственным мышлением и ориентацией на местности у меня всё плохо, а конфликт между физиками и лириками разрешён ещё в школе: в пользу последних. Я не чувствую сторон света. Всё, что могу: в ясную ночь указать на север, ранним утром – на восток, на закате – на запад. И никакие карты не спасают от того, чтобы не поплакать на чьей-то чужой лестнице с мыслью, что придётся ночевать на улице в грозу.

Никто в городе не знал, где искать улицу Святого Бернандино. Петляешь, петляешь, кажется, что по кругу, потому что отовсюду виден Везувий, как напоминание: *memento mori*. Дыши! Вышла на пустынную набережную. Высоко-высоко над морем. Летишь в пропасть, и никакие перила не удержат. Громадный альбатрос на перилах долго смотрел на Везувий, потом поднял голову, будто собирался молиться, и издал страшный клич на разные голоса всех пернатых. Почудилось: заговаривает вулкан. После грозы начнётся извержение.

Только не впадать в отчаяние. Надо найти себе временный

дом. Язык доведёт...

Помог таксист: «Там находится офис полиции». И добавил с улыбкой: «У нас тихий город, поэтому никто и не знает где».

Уже в постели подумалось: «Какой долгий день!». В путешествии жизнь растягивается, потому что выбиваешься из привычной колеи, вечно влипаешь в приключения и вынуждена думать о самых простых вещах: где поесть, как найти ночлег, укрыться от дождя. Так, наверное, живут кочевники. И паломники, или странствующие монахи. Божьи птицы.

Утром окно распахнулось в стену.

Стена зелёная, увитая плющом. Живая, скребётся, копошится: ящерики, мелкие грызуны, птички. Над окном кто-то ухает. Ночью, сквозь сон решила, что ухают наши ушастые совы. Они на зимовку в Италию прилетают, как и я.

Но солнце уже высоко, синее-синее небо над головой, а сова заливается, будто в безвременье.

Когда открываешь новые пространства, меняешь сторону света, вдруг осознаёшь, скольких имён ты не знаешь. Как на самом деле зовут сову? А вон то дерево, пиния или ливанский кедр? Каждая страна начинает ассоциироваться с деревьями или цветами. Греция для меня, например, олеандры, Сицилия – гибискусы, Мальта и Тунис – оливковые деревья.

Названия, которые я *увидела* там впервые.

– Ты всегда меня удивляешь.

– Значит, я – твоя вечная юность. Говорят, человек начинает стареть, когда перестаёт удивляться.

...читать стихи у раскрытого окна. Свежесть утра – новые смыслы.

...изобрести двадцать первый способ прикурить без зажигалки в номере отеля для некурящих. На этот раз – от фена. Современная Робинзонада. Не бежать же из-за какой-то зажигалки с утра в супермаркет.

...протянуть руку, сорвать апельсин с ближайшей ветки и съесть. Апельсиновые деревья в Сорренто – даже не берёзы, а тополя. Апельсины валяются под ногами – бери не хочу. С голоду точно не помрёшь, но зачешешься. И тут до меня дошло: ирония Джона Фанте имеет двойное дно. Мой любимый герой, писатель Артуро Бандини, приезжает покорять Лос-Анджелес. Безденежье. Писательская судьба. Голодает. Питается одними апельсинами – они у него тоже там за окном растут. А кто Бандини по происхождению? Уроженец юга Италии. На его родине апельсины – сорная трава. Мда... город песков Нового Света испытывает его на прочность не просто жестоко, а изощрённо жестоко. Гениальная попытка судьбы. Человек бы такого не выдумал, хоть по образу и подобию сотворён. У нас столько времени нет на сочинительство. А у Бога – вечность.

Подумалось, что жестокость не свойственна только по-на-

стоящему ленивым. Чтобы ненавидеть или мстить, нужна сила воли. А я, лёжа на диване с книжкой в руках, просто вычёркиваю или стираю названия, имена. Моя маленькая вселенная полна чёрных списков и белых пятен.

«Простить – значит забыть» [1], – писал Борхес.

Из тех, кого я забыла, можно составить... нет, не город, но деревенька на берегу озера вполне заселится. Пусть живут дружно и счастливо!

Поезд до Неаполя останавливается в Помпее. Солнечный полустанок. Горный ветерок.

Направо – музей Геркуланума. Передёрнуло. Памятник природному крематорию. Поразили картины в книге музея: непристойное порно небесной чистоты. Они так жили, безо всяких запретов, восхищались человеческой плотью, испытывали радость бытия – и ничего не боялись.

Впервые в жизни захотелось украсть. До страсти, до головокружения. Юный и бедный Артюр Рембо воровал книги, чтобы стать поэтом...

«И в музей, и на Везувий вы не успеете, выберете что-то одно», – посоветовал гид.

Я выбрала.

Извилистые дорожки лавы по склонам Везувия – застывшая во времени смерть. Кажется, наблюдаешь пути в небес-

ный город. С вершины смотришь на неаполитанский залив: как на ладони всё побережье, вгрызающееся в море – и внешне отступающее перед вечностью. Ибо сила её в непрерывном движении. Вода точит камень.

Туристы ставят посохи у прилавка кафе и залпом осушают бокал воды или красного вина. Празднуют восхождение. Победу над горой. Говорят: «Покорили вершину». Вешают замки на перила, точно защёлкивают на запястьях пленного вулкана наручники.

Альпинисты бы им рассказали, к чему на настоящих горных тропах приводят такие романтические штампы. С горой можно только слиться. Покориться ей – и унаследовать частицу её силы.

На вершине Везувия мне подарили браслет из кусочков кораллов и лавы.

Слились в нём море и горы! [2]

Странное совпадение: успела на Везувий, но не успевала в Геркуланум; прошла пешком всё побережье Капо Ди Сорренто, где гулял Максим Горький, написала стихотворение, может быть, в том же кафе, где он писал «Сказки об Италии», но так и не нашла виллу с именной табличкой, где он жил.

И будто кто-то шепнул на ухо: «Мемориальные таблички

– ложь. Потому что пишутся в прошедшем времени: жил, работал. А поэты, писатели воскресают в своих текстах. Бесконечное настоящее. Вечное время».

В Капо Ди Сорренто меня отправил хозяин лимонного сада. Пробовала лимончелло. Разговорились. Оказалось, у него есть друг, влюблённый в Россию. Каждый год в феврале он приезжает в столицу погулять по Красной площади вокруг Кремля под падающим снегом. Утверждает, что ничего красивее в жизни не видел. Хотела сказать: «Езжайте лучше в Петербург, имперская, европейская столица. А Москва – «золотая дремотная Азия», но передумала. Солнце встаёт на востоке.

Друг, читающий и Горького, и Достоевского, и Толстого...

С грустью поняла, что удаётся найти общий язык за пределами России только с читающими русскую классику. Родной язык определяет всё: мысли, чувства, действия, мироощущение, сознание, бытие. И потому английский как международный эсперанто мне кажется вытертым до дыр, итальянский – браваурной музыкой, французский – языком не любви, но гурманов, мурлыканьем довольной кошки. А русский шипит, как грешник на сковороде, и огненные капли летят во все стороны, обжигая души. Так же жарко горит и жжёт в переводах? Вопрос...

«Поэт – средство существования языка», пишет Бродский в речи для Нобелевской премии. Не важно, сколько на нём говорит человек, важно – сколько и как написано книг.

Человек состоит из библиотеки прочитанных и написанных книг. А язык – отправная точка во времени и пространстве.

«Позиция, – тут же поправили бы меня в редакции зарубежного литературного журнала, где когда-то работала. И спросили бы: «Почему до сих пор не устраиваем майдан на Болотной площади?». Книги как средство просвещения должны отстаивать демократические идеалы.

А мне кажется, книги никому ничего не должны. Они – «шелест времени». И единственная задача писателя сохранить *своё* время, а оно – в деталях: шуршание шин по асфальту, солнечный ветер, поцелуй в сомкнутые веки... Живу в башне из чёрного дерева и даже не знаю точно, кто у нас сейчас президент. Потому что Россия для меня – есенинские берёзки, восковые свечи и московские узкие улочки. И книги. О том, что на какой бы войне человек ни родился, единственное, чего он по-настоящему хочет – это работать, строить дома, сажать деревья, любить и растить детей.

Согласна, неразрешимый спор. Как и о личном выборе: Толстой – Достоевский, Пушкин – Лермонтов, Гоголь – Горький, ..

Понятно, который мой.

«Шинель» – бесконечная цепь постыдных унижений, а Русью-Тройкой правит нерусский. Русский человек – созерцатель, он на печи лежит, думает, а не суетится, скупая чужие мёртвые души.

Личный выбор строится на эмоциональном восприятии мира, а не логическом, концептуальном. Выбираешь сердцем, не разумом.

Идеал же – вообще сказка.

Но даже сказочники знают: «Нет сказок лучше, чем сама жизнь» [3]. Жизнь, а не смерть. Созидающий Эрос, который строит города, пишет книги или плодит детей. И это – красная песня, потому что красный – живая кровь и огонь домашнего очага.

Красный – всегда рассвет, рождение солнца.

А ещё красный цвет – это красота.

Я могла бы рассказать о путешествии на сказочный остров Капри или в город миллионеров Позитано. О причудливых скалах над морем и красоте, которую хочется обнимать глазами...

Но не стоит. Профессиональные фотографы не ценят пейзажные открытки, потому что их красота всем очевидна – и тем испорчена. Первозданность – сестра открытия. Заново созданная красота – мать бесконечных открытий. А мир создан словом.

Название Vallone de Moline переводится как «Долина мельниц». И я создаю её заново – на своём языке. На скандинавском севере, откуда я родом, существует легенда о мель-

нице Сампо.

Сампо выковал кузнец Ильмаринен, герой эпоса «Калевала», вместо свадебного выкупа за дочь хозяйки Похьялы, или Севера. Мельница намолота всем счастья, но люди не смогли поделить его между собой, каждый хотел волшебный подарок только себе. В результате борьбы мельница утонула. С тех пор Онежское озеро считают морем изобилия. Мельница на дне много веков мелет и мелет общее счастье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.